

Неужели этот человек, от которого веет такой неприкрытой злобой, чья гордыня и спесь не знают границ, — и есть его послушный и жизнерадостный ученик?

Линь Цинъю решил, что его глазная болезнь, должно быть, обострилась.

Он уже давно не испытывал такого гнева, и теперь, когда попытался сдержать его, не выдержал и закашлялся — да так сильно, что на губах выступила кровь. В тот же миг ясное до этого небо заволочло тучами, собираясь пролиться дождем.

Слегка вздохнув, Линь Цинъю с мрачным лицом развернулся и направился обратно на Пик Бусянь.

Тем временем вокруг Гу Иня столпилось немало новичков, и каждый из них смотрел на него с нескрываемым восхищением. Они были наслышаны о Чжао Лю на форуме сплетен Цяньлин и терпеть не могли его привычку самоутверждаться за счет слабых.

Среди присутствующих были и старшекурсники, которые еще больше презирали Чжао Лю: тот вечно кичился своим происхождением и командовал всеми в академии. Но ведь сюда попадали только те, за чьими плечами стояли влиятельные семьи. Хотя в Цзючжоу верховодили четыре великих государства и четыре ордена, у остальных кланов тоже хватало сил. Просто при поступлении все получили наказ от родных: не наживать врагов и поддерживать дружеские связи с сокурсниками ради будущей выгоды.

Поэтому, несмотря на толпу, никто не спешил жаловаться. Однако отношение к Гу Иню оставалось неоднозначным. Каждый из них здесь был гордостью своего дома, каждый привык считать себя важной персоной. А тут — какой-то бездарь, пробившийся в академию благодаря смазливой внешности. Хотя открыто, как Чжао Лю, никто не осмеливался проявлять враждебность — все-таки дорожили репутацией, — в глубине души каждый ставил себя выше него.

Двое прихвостней Чжао Лю, видя, что дело принимает дурной оборот, тут же принялись обвинять Гу Иня:

— В академии запрещены драки! Мы доложим обо всем старейшине Хэ.

Старейшина Хэ отвечал за соблюдение дисциплины и славился своей суровостью и педантичностью, тихо шепнул Ци Юэ на ухо Гу Иню.

О, понятно. Местный завуч, значит.

Гу Инь насмешливо посмотрел на Чжао Лю:

— Твой послушный сынок еще молоко на губах не обтер? Беги скорее жаловаться!

Новички не сдержали смеха. Чжао Лю бросил на них яростный взгляд, и подпевалы тут же прикусили языки.

Раздался оглушительный удар грома, и хлынул проливной дождь. Студенты, озадаченные внезапной переменой погоды, поспешно разбежались. Ци Юэ тоже позвал наставник с кафедры артефактов. Преподаватели поспешили возвести над новичками защитные барьеры от дождя, и лишь один Гу Инь остался стоять на пустой, роскошной площади, принимая на себя холодные потоки воды, пока не промок до нитки.

Получив подарочные наборы для новичков, студенты разошлись по своим пикам, чтобы начать путь совершенствования. Гу Инь выглядел растерянным. Хотя у него теперь был наставник, чувства причастности к этому месту он не ощущал. Столкнувшись в толпе с кем-то, он вновь поймал на себе неприязненные взгляды.

Дождь лил как из ведра, становясь все сильнее. Когда все новички разошлись, Гу Инь подошел к длинному деревянному столу перед главным залом, за которым сидели несколько человек, по-видимому, наставники.

Один из них, с козлиной бородкой, окинул Гу Иня изучающим взглядом. Затем он протянул руку — всю в морщинах, совсем не подходящую его молодому лицу — и раздраженно бросил:

— Где твоя Цяньлин? Давай сюда для регистрации, чего стоишь, как истукан!

Улыбка, только что тронувшая губы Гу Иня, мгновенно застыла.

Когда он протянул Цяньлин, старейшина с силой перевернул её, и лицо его стало еще мрачнее. Он швырнул артефакт в руки сидевшему рядом молодому наставнику и проворчал:

— Опять двое по благу! Никаких талантов, даже если им что-то выдать, толку будет ноль. Занимайся ими сам!

Гу Инь опешил. Улыбка исчезла с его лица, но внутри крепла решимость во что бы то ни стало достичь высот в совершенствовании. Раз уж его забросило в этот мир выполнять задания, он не может быть обычным ничтожеством.

А старейшина с козлиной бородкой, держась за голову, добавил, обращаясь к коллеге:

— Смотри, чтобы их потом не вздумали отправить на кафедру артефактов!

Наставник, державший документы, слегка смутился. Он жестом предложил Гу Иню присесть и мягко объяснил:

— Старейшина Цю отвечает за кафедру артефактов, у него довольно прямой характер, не принимай близко к сердцу.

Ли Вэй внимательно осмотрел Гу Иня. Тот был еще совсем юн, а его тело, которое должно было быть крепким, казалось болезненно слабым. Лицо бледное, но черты лица весьма привлекательны. Ли Вэй знал, что один из этих двоих — сын богатейшего человека в Цзючжоу, а другой — принц государства Гу Юэ. Похоже, этот болезненный юноша и был тем самым слабоумным принцем. Ли Вэй был наслышан о грязных методах дворцовых интриг: скорее всего, Гу Иня просто сбагрили сюда доживать свой век. В конце концов, столько лет в безумии и полное отсутствие способностей — даже с такой протекцией он вряд ли пройдет грядущие испытания академии.

Получив вежливый ответ, Гу Инь, конечно, не посмел обижаться и ответил такой же учтивой улыбкой.

— Меня зовут Ли Вэй, я наставник кафедры алхимии. Вот твои вещи. Хотя ресурсов в академии много, если в совершенствовании не будет прогресса, количество выдаваемых артефактов будет сокращаться.

Гу Инь прекрасно понял намек: ты бездарь, и этот набор для новичка, возможно, единственное, что тебе здесь пригодится.

Всех учеников при поступлении распределяли по кафедрам в зависимости от их способностей. Но поскольку Гу Инь раньше был слабоумным и лишенным корней духовной силы, в его Цяньлин не была указана специализация.

Создавая игру, Гу Инь немало потрудился над системой академии. Она делилась на кафедры заклинаний, алхимии, фехтования и артефактов. Помимо общих занятий, на которых присутствовали все, остальное время студенты учились по профилю у своих наставников. Но раз Линь Цинъю сказал, что у него нет духовной силы, Гу Инь не знал, чем именно ему предстоит заниматься.

Ли Вэй в итоге не сказал, к какому наставнику прикрепить Гу Иня. В конце концов, раз у того уже есть мастер, пусть он сам и решает, иначе любой, кому достанется такой «горячий картофель», будет не в восторге.

После регистрации наставник, выдававший наборы, окинул Гу Иня высокомерным взглядом:

— У тебя нет наставника или учителя? Церемония зачисления требует благословения мастера!

В итоге, даже несмотря на заступничество Ли Вэя, этот наставник так и не выдал Гу Иню подарок. Он прекрасно видел, как тот дрался с Чжао Лю. А Чжао Лю — принц Гу Юэ, обладающий огромным влиянием в Цзючжоу. Почему бы не угодить ему, поставив Гу Иня в неловкое положение?

Гу Инь не понимал причин такого отношения и решил, что он просто несчастный сирота, которого не любит даже собственный учитель. Глядя на новичков, которых опекали наставники, он невольно затаил обиду на Линь Цинъю.

В конце концов, он его единственный ученик. Даже если у него нет духовной силы, неужели нельзя было хотя бы выйти и встретить его?

Небо начало темнеть, и Гу Инь, собравшись с духом, вернулся на Пик Бусянь. Заглянув в расписание в Цяньлин, он выяснил, что общие занятия проходят раз в три дня, а остальное время посвящено профильным предметам на своих пиках.

Вернувшись на Пик Бусянь, Гу Инь был промокшим до нитки. Он заметил, что над внутренним двориком раскинулись зеленые лианы, образовав плотный навес, который защищал от дождя, так что внутри было совершенно сухо.

Линь Цинъю стоял у стеллажа, перебирая сушащиеся травы. Его бледные, тонкие пальцы двигались мягко и осторожно. Выражение лица было совсем не таким холодным и язвительным, как при общении с учеником.

Гу Инь стоял у входа, упрямо мокнув под дождем и не решаясь сделать шаг.

— Учитель, — глухо позвал он.

Линь Цинъю не обернулся. Взгляд Гу Иня потемнел. Наконец, опустив голову, он вошел во двор.

В этот момент Линь Цинъю обернулся и глубоко всмотрелся в него. Не успел Гу Инь и слова сказать, как одна из лиан, свисавших над двором, выпустила побег, густо усеянный шипами. Она метнулась прямо к Гу Иню. Шипы вонзились в его руку, выступила капля крови, и лиана тут же отпрянула.

Даже несмотря на это, Гу Инь невольно охнул от боли.

Линь Цинъю нахмурился, глядя на это: его раздражало, что лиана не слушается его, и он, развернувшись, молча ушел в свою комнату.

Лиана замерла в воздухе, словно в растерянности, а затем хлестнула Гу Иня по коленям, заставив его рухнуть на землю.

Стоя на коленях, Гу Инь почувствовал, как внутри закипает гнев. Мало того, что он натерпелся унижений снаружи, так еще и вернувшись, он подвергся несправедливому наказанию со стороны Линь Цинъю.